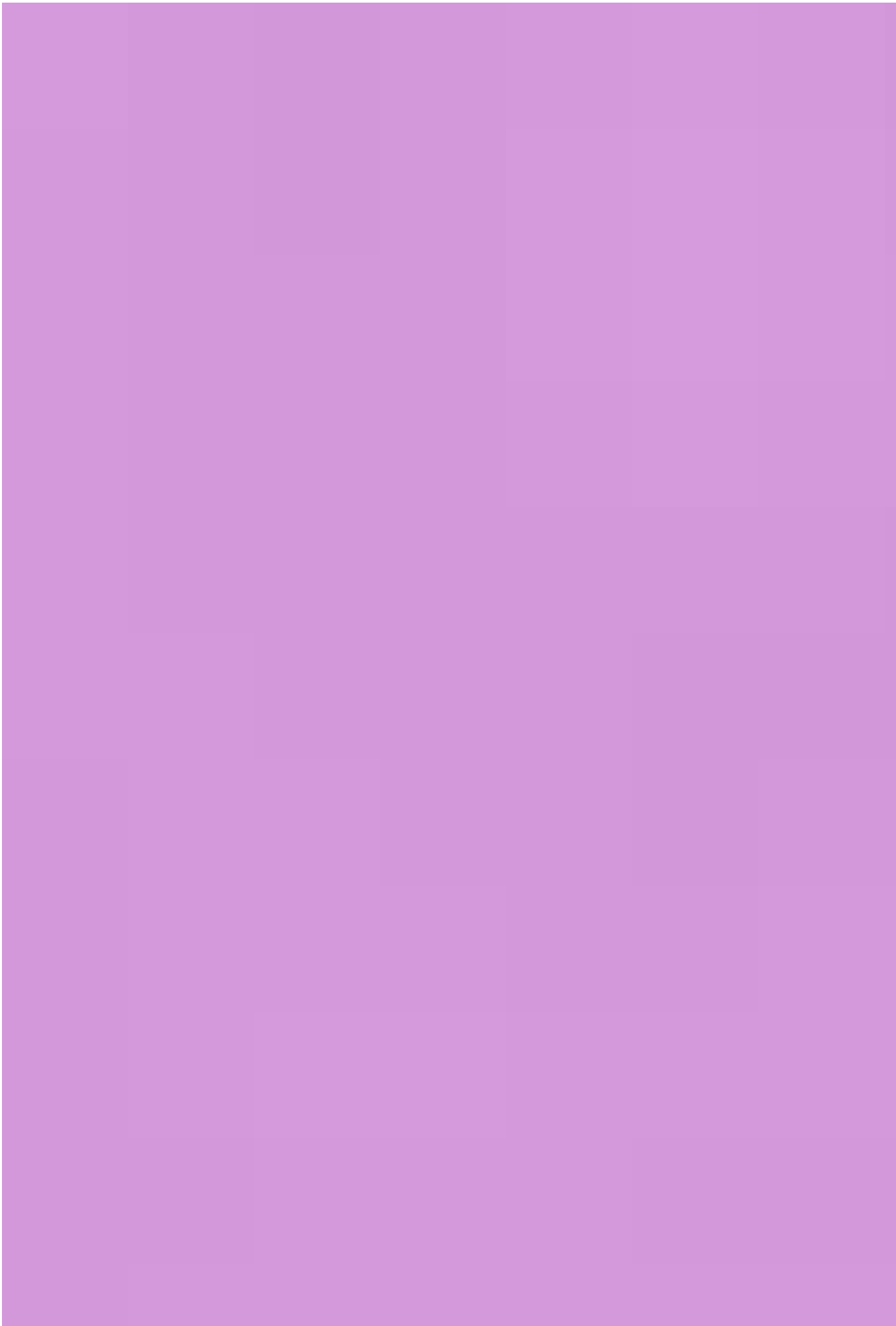

Артур Конан Дойл
Записки о Шерлоке Холмсе (сборник)
Серия «Зарубежная классика (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18170730

Записки о Шерлоке Холмсе: повести, рассказы; [перевод с английского] / Артур Конан Дойл: Э;

Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88187-1, 978-5-699-31455-3

Аннотация

Перу английского писателя, публициста и журналиста Артура Конан Дойла принадлежат исторические, приключенческие, фантастические романы и труды по спиритизму, но в мировую литературу он вошел как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего знаменитого дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

Содержание

Бессмертный Шерлок Холмс	5
Собака Баскервильей	11
Глава I	11
Глава II	16
Глава III	24
Глава IV	30
Глава V	39
Глава VI	46
Глава VII	53
Глава VIII	63
Глава IX	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Артур Конан Дойл

Записки о Шерлоке Холмсе (сборник)

Arthur Conan

DOYLE THE NOTES OF SHERLOCK HOLMES

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Бессмертный Шерлок Холмс

Джозеф Белл, эдинбургский профессор, был очень интересным человеком. Он отличался редкой проницательностью, безошибочной интуицией и огромной наблюдательностью. Его ученик, молодой врач Артур Конан Дойл, практиковавший в английском городке Саутси, нередко вспоминал о нем, чему, кроме естественной привязанности ученика к Учителю, была еще одна причина. Провинциальный врач, подолгу ожидавший в приемной редких пациентов, хотел стать писателем, и не таким, каких много, а современным Вальтером Скоттом. Пройдет несколько лет, и Дойл станет одним из самых известных писателей мира, но не в жанре исторического романа. Он прославится как автор детективного рассказа, и прославится «с помощью» Джозефа Белла, эдинбургского профессора медицины, перевоплотившегося в Великого Шерлока Холмса.

Интересно знать, как Артур Конан Дойл отнесся бы сейчас к феномену бессмертия Великого Сыщика – этим званием наградили Холмса поколения благодарных читателей. Ведь Дойл не то что в грядущей славе, но и в излишней популярности Шерлоку Холмсу охотно бы отказал. Его воображение упрямо рисовало иного литературного героя, достойного бессмертия, второго Айвенго. Однако молодому врачу надо было зарабатывать на жизнь растущей семье: в Саутси он женился. И Артур Конан Дойл начал писать рассказы. Один был опубликован в журнале «Корнхилл мэгэзин», известном строгими литературными критериями. То был, однако, аванс, поощрение автору и напоминание, что читатель всегда ждет знакомства с героем, вызывающим интерес и любопытство. Вот тогда-то Дойл и решил, что эксцентричный Джозеф Белл, с его удивительной способностью делать на основе наблюдения дедуктивные выводы, высокий, худощавый, с резкими, «ястребиными» чертами лица, стоит того, чтобы запечатлеть его в литературном образе, но не врача, а сыщика-детектива, которому по роду занятий необходимы и феноменальная наблюдательность, и умение анализировать. «На основе тщательного наблюдения и дедукции, господа, в любом случае можно поставить диагноз, – снова звучал в ушах Дойла вибрирующий голос профессора. – Однако не надо небрежничать: дедуктивные выводы должны быть проверены практикой».

Воспоминание о Белле отразилось в первой же детективной повести Дойла «Этюд в багровых тонах» (1887). В главе II «Этюда...», которая называется «Искусство делать выводы», Холмс знакомит и доктора Джона Хэмиша Уотсона¹, и читателя со своим дедуктивным методом... Мысль сделать героем именно сыщика возникла у Дойла не сразу. Был момент, когда изумительными аналитическими способностями обладал врач. А сын Дойла, Адриан, писал, что видел первый вариант «Этюда в багровых тонах» и там вообще не было Холмса, а фигурировал доктор, он же сыщик Ормонд Сэкер. Когда же Дойл ввел в действие Холмса, то звали его сначала не Шерлок, а Шерингфорд. Фамилию Холмс Дойл позаимствовал у любимого американского писателя и врача Оливера Уэнделла Холмса, так как, по признанию Дойла, он «очень сильно любил этого совершенно ему незнакомого человека». Однако, даже когда главным героем стал «сыщик-консультант», его друг-врач тоже остался в шерлокиане важной персоной: именно он рассказывает читателю о подвигах Холмса и его удивительном искусстве расследования преступлений.

В автобиографической книге «Воспоминания и приключения» (1924) Дойл свидетельствовал: «Когда я впервые стал думать о сыщике – примерно в 1886 году, – я прочитал несколько детективных рассказов и был поражен их, мягко говоря, нелепостью, потому что в разрешении таинственной загадки автор явно полагался на совпадение или стечение обстоятельств. Мне это показалось отступлением от правил честной игры, так как успех сыщика

¹ Так по-английски произносится эта фамилия, столь знакомая читателям и телезрителям как «Ватсон».

должен зависеть от чего-то, более свойственного его собственному разуму, а не только от необыкновенных авантюрных обстоятельств, которые, что ни говори, весьма редко встречаются в реальной жизни.

Меня довольно сильно увлекал Габорио, тщательно разрабатывавший детективные сюжеты, а мастер своего дела сыщик Огюст Дюпен Эдгара По, был героем моего детства...»

Забегая вперед, скажем, что 1 марта 1909 года в Лондоне был дан торжественный обед в честь столетней годовщины со дня рождения По. Председательствовал на обеде сэр² Артур Конан Дойл. Он говорил о трудах замечательного писателя: «Его рассказы... так стимулировали умы других, что большинство этих рассказов явились тем корнем, из которогоросло целое литературное древо...»

Именно Эдгар По был для Дойла образцом для подражания. Детективный же опыт соотечественников, Диккенса и Коллинза, его не очень интересовал. Это объяснимо: именно По измыслил дедуктивный метод, сделал его главным стержнем в рассказах дюпеновской серии, оснастил детективный рассказ определенными приемами расследования, ввел фигуры сыщика и рассказчика и главнейшим условием поставил «соучастие» читателя в раскрытии тайны. Так он создал каноническую форму рассказа с экспозицией, кульминацией и последующей «лекцией» сыщика. И Конан Дойл следует этому образцу более или менее пунктуально³. Но Дойл и обогащает образец. Взять хотя бы неизменно энергичное начало его детективного рассказа. Дойл стремится сразу же завладеть вниманием читателя, чему очень способствует почти обязательное упоминание о Холмсе в первом же абзаце, а иногда и в первой строчке повествования, например: «Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной» («Скандал в Богемии»), «В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность...» («Обряд дома Месгрей-вов»), «Пополняя... записи о... Шерлоке Холмсе... я то и дело сталкивался с трудностями, вызванными его собственным отношением к гласности...» («Дьяволова нога»).

Читателю достаточно прочитать эту первую строчку – и рассказ уже завладевает его воображением и не отпускает до конца. Поэтому сейчас кажется почти невероятным, что даже Шерлок Холмс не сразу пробился к читателю. «Этюд в багровых тонах» английские читатели приняли с интересом, но несколько сдержанно. Иначе было в Америке. Там Шерлок Холмс сразу же стал всеобщим любимцем, почему «Знак четырех», вторая повесть о Холмсе, вышел сначала за океаном. В 1889 году в Лондон приехал редактор американского журнала «Липпинкот мэгэзин». Он дал обед, на который были приглашены Оскар Уайльд, восходящая звезда, и мало кому известный в Англии Конан Дойл. Редактор сразу же поинтересовался, чем могли бы английские писатели украсить в следующем году американский журнал. Уайльд пообещал роман – то был «Портрет Дориана Грея», а Дойл передал журналу повесть «Знак четырех», которая была опубликована в феврале 1890 года. Успех повести в Америке был настолько оглушитель, что она осенью того же года вышла отдельной книгой в Англии. И тут уж Шерлок Холмс завоевал навсегда и английские сердца. С волнением в душе «следовали» читатели на таинственное свидание у театра «Лицеум» вместе с Холмсом, Уотсоном и мисс Морстен. Стоит ненастный угрюмый сентябрьский вечер, когда пешеходы на улицах кажутся Уотсону «толпой привидений». Ему становится не по себе, мисс Морстен тоже охватывает невольный страх, и только Холмс спокоен и деловит. Так с самого начала шерлокианы Холмс поднимался в глазах читателей над уровнем обычных человеческих слабостей и страхов и приобретал черты героической, уникальной личности, становился воплощением психологической защиты и опоры.

² Он был возведен во дворянство за литературные заслуги.

³ Так, 6 из 12 рассказов сборника «Приключения Шерлока Холмса» (1892): «Этюд в багровых тонах», «Союз рыжих», «Установление личности», «Пять апельсиновых зернышек», «Пестрая лента», «Знатный холостяк», «Берилловая диадема» – заканчиваются финальным объяснением Холмса.

В 1891 году в только что созданном журнале «Стрэнд» появляются шесть рассказов о Холмсе, возглавляемых «Скандалом в Богемии». Восхищенный издатель журнала, Гринхаф Смит, провозглашает «рождение новой литературы», а читатели начинают требовать от Дойла все новых и новых рассказов.

Среди почитателей Холмса оказался и его прототип – редчайший случай в мировой литературе. Джозефу Беллу очень польстило, что Холмс «списан с него», и он запечатлел свою признательность автору в эссе «Шерлок Холмс». Конану Дойлу тоже было приятно, что любимый профессор поставил сыщику высший балл как «проницательному, приметливому, любознательному человеку... который... обладает, может быть, самым значительным из всех дарований – способностью освобождать свой мозг от бремени ненужных подробностей, которые обычно отягощают человеческую память». Однако Дойл в это же время работал над историческим романом из рыцарских времен «Белый отряд» (1891), и ему уже несколько надоели подвиги джентльмена-сыщика. Когда «Стрэнд» опять потребовал новых рассказов, Дойл запросил у журнала огромный по тем временам гонорар: 50 фунтов за каждый. Он был уверен, что журнал откажется. К его досаде, «Стрэнд» согласился, и Дойл пишет для журнала еще шесть рассказов, среди них такие шедевры, как «Голубой карбункул», «Пестрая лента» и «Медные буки». Потом все двенадцать вышли отдельной книгой и прославили имя Дойла далеко за пределами Англии. Постоянно живший на тихоокеанском острове Самоа, автор «Острова сокровищ» Роберт Луис Стивенсон пересказывал приключения Холмса туземцам и писал Дойлу: «Если бы вы могли видеть их горящие лихорадочным огнем глаза, вы бы поняли, что это и есть настоящая слава». В 90-х годах XIX века имя Холмса известно уже в каждом английском доме и, между прочим, используется в рекламе неких пилюль, ставших от этого популярными, однако такой славы у современного массового читателя Дойл почти стыдится и жалуется в письме к матери, что Холмс «не дает мне возможности сосредоточиться на лучших моих произведениях».

В 1894 году выходит сборник «Воспоминания Шерлока Холмса», включающий одиннадцать рассказов. Здесь и «Серебряный», и «Обряд дома Месгрейвов», и рассказ «Последнее дело Холмса». Еще за год до этого Дойл твердо решил, что скоро «джентльмен исчезнет навсегда». И действительно, он почти на десять лет забывает о Шерлоке Холмсе. Дойл по-прежнему много пишет, выходят его романы и повести «Родни Стоун», «Дядя Бернак», «Трагедия «Корроско». Они пользуются успехом, однако не могут возместить читателям потерю Шерлока Холмса. Неважно, что злодей профессор Мори-арти увлек его с собой на дно пропасти. Когда все-таки автор вернет Холмса из небытия? «Вы злодей», – обвиняет писателя одна из читательниц, расстроенная безвременной кончиной сыщика в Альпах. После Малютки Нелл, двенадцатилетней героини «Лавки древностей» Чарльза Диккенса, ни о ком так не печалились читатели-англичане, как о Шерлоке Холмсе, а некоторые даже носили по нему траур. И Конан Дойл сдается на неотвязные мольбы, упреки и напоминания и пишет одно из лучших своих произведений – повесть «Собака Баскервиль» (1902), а в 1903 году «Стрэнд» начинает печатать новую серию рассказов. Оказывается, Холмс не погиб. В единоборстве с профессором Мориарти он победил, но вынужден был скрываться, так как теперь на его жизнь покушается ближайший «сподвижник» профессора, полковник Себастьян Моран. Тем не менее в самый нужный момент Холмс снова объявляется в Лондоне...

В феврале 1905 года все тринадцать рассказов выходят отдельным сборником «Возвращение Шерлока Холмса». Здесь увидели свет, в частности, «Шесть Наполеонов», «Пенсне в золотой оправе» и «Пляшущие человечки», и критики не без основания считали, что идея шрифта-«криптограммы» в виде пляшущих человечков тоже навеяна Дойлу «великим Эдгаром» (рассказ По «Золотой жук»).

Больше Конан Дойл с Холмсом до конца жизни (своей) не расставался, хотя вскоре и «отправил» сыщика в отставку: примерно в декабре 1904 года Холмс переселяется на ферму в деревне и начинает заниматься пчеловодством. Однако продолжали выходить рассказы-«воспоминания» – и Уотсона, и самого Холмса о его детективных свершениях: сборники «Долина страха» (1914–1915), «Его прощальный поклон» (1917), содержавшие всю шерлокиану, опубликованную «Стрэндом» с 1893 по 1917 год. За три года до смерти Дойла вышел сборник «Архив Шерлока Холмса» (1927), где, в частности, опубликован замечательный рассказ «Чертежи Брюса Партингтона».

Читатели уже не имели повода для упреков и жалоб, но сам писатель был опечален таким решением своей литературной судьбы. «Все в конце концов занимает заслуженное место, но, думается, если бы я ни строчки не написал о Холмсе, который теперь затмевает мои лучшие произведения, мое положение в литературе к настоящему времени было бы более выдающимся...»

Он ошибался. Если сейчас, семьдесят пять лет спустя после смерти Артура Конана Дойла, его помнят и постоянно переиздают, перечитывают и экранизируют, то это, прежде всего, заслуга Шерлока Холмса...

Почти сто двадцать лет прошло с тех пор, как читатель впервые переступил порог квартиры «из двух удобных спален и просторной, светлой, уютно обставленной гостиной» на втором этаже дома 221-б по Бейкер-стрит, и оказалось, что Шерлок Холмс – герой такой же бессмертный, как, например, шекспировские Гамлет и Ромео. Конечно, свет славы упал и на верного спутника и восторженного летописца детективных подвигов Шерлока Холмса, доктора Уотсона. Они стали неразлучны в нашем сознании, как древние Орест и Пилад или сервантесовские Дон Кихот и Санчо Панса. Они так же любимы, узнаваемы и живы. Но что же представляли собой наши любимцы, когда поселились под кровом заботливой миссис Хадсон? В это время Холмсу самое большое лет двадцать семь, да и Уотсону, кончившему в 1878 году Лондонский университет, а затем курсы для хирургов, отправленному на войну в Афганистан и вернувшемуся в Англию после тяжелого ранения, всего двадцать пять. Их приятель Стэмфорд уже успел подготовить Уотсона к знакомству с человеком чудаковатым и эксцентричным, но это Уотсона не пугает: ему хорошо известно, что эксцентричность – нередкая черта английского характера, а чудаковатость прекрасно уживается с порядочностью. Намеки и недоговоренности Стэмфорда только возбудили любопытство Уотсона, а он очень любопытен, это и делает его таким незаменимым спутником Сыщика.

Сначала Уотсон методично пытается «аттестовать» знания Холмса и потрясен, «установив», что Холмс никогда не слышал о Копернике или о философе и историке Томасе Карлейле, а его познания в литературе «равны нулю». Положим, Холмс явно «разыгрывает» наивного доктора. Потом он как бы между прочим будет цитировать Хафиза и Горация, вспомнит о Данте и Петрарке, Гёте, Жорж Санд и Флобере. А прикидывается он незнайкой, чтобы в своей назидательной манере прочитать Уотсону лекцию о том, какие знания необходимы и важны именно для него, Холмса. Но доктор и нуждается в наставлениях и разъяснениях. Еще и поэтому он такой идеальный спутник для Холмса, который как истинный сын Разума должен постоянно кого-то просвещать, и Холмс любит и умеет это делать.

Его метод расследования зиждется на точном, достоверном знании. Даже не выходя из дома, он может при помощи всемогущей дедукции распутать клубок таинственных и непонятных событий и помочь людям, попавшим в беду. Однако умение логически мыслить – не все в сыщицком деле. Надо к тому же обладать воображением, способным воссоздать тончайшую психологическую подоплеку преступления.

Холмс не только умнейший, талантливый сыщик, как, например, Дюпен, он не только удивительно проницателен, смел и мужествен, он еще и добр, и бескорыстен. Ему далеко

не безразлично, что большинство преступлений, которые он расследует, совершаются из алчности и эгоизма.

Между наследством и «наследником» – «всего лишь» два человека, и хитроумный преступник, не задумываясь, готовит родственникам изощренно жестокую гибель («Собака Баскервиль»). Отец покушается на рассудок и жизнь дочери. Она давно отдала ему свои деньги, но сейчас собирается выйти замуж. А что, если супруг вступится за права жены? И отец разлучает дочь с женихом и угрожает страшной мстью храброй гувернантке, которая хочет разрушить планы злодея («Медные буки»).

То, что Конан Дойл одновременно работал над рассказами о Холмсе и романом «Белый отряд», не могло не наложить на Сыщика особого отпечатка. Напрасно писатель сетовал, что Холмс заслоняет собой других его героев. Холмс – тоже рыцарь, защитник и надежда. В нем соединены романтическое и героическое начала. Именно поэтому в жизнь читателя он вносил и вносит столь необходимое каждому представление о человеческом благородстве, величии души, надежности, горделивой свободе воли и уверенности в победоносной силе Разума и Справедливости. Между прочим, Холмс явно недолюбливает сильных мира сего. Он «не заметил» протянутой руки короля Богемии, предавшего бывшую возлюбленную. Он всегда на уровне Справедливости и в ее интересах поднимается даже над Законом. Таков рассказ «Голубой карбункул». Когда служащий отеля Райдер, укравший алмаз, клянется, рыдая, что больше никогда не станет воровать, Холмс сурово отчитывает его, а потом прогоняет и говорит Уотсону: «Возможно, я укрываю мошенника, но зато спасаю его душу... Упеките его сейчас в тюрьму, и он не развяжется с ней всю жизнь...»

Как полагается знаменитости, Шерлок Холмс и вся шер-локиана стали объектом многочисленных пародий, анекдотов и шуток. Литературную лепту в пародирование внесли в свое время Фрэнсис Брет Гарт, Марк Твен, О. Генри, Стивен Ликок, Алан Александр Милн, Агата Кристи. Возникла настоящая холмсовская «индустрия», появилось множество книг, посвященных не только литературно-художественным достоинствам рассказов, но самой личности Шерлока Холмса, этого вымышленного, но такого реального для нас героя. Есть биографии Шерлока Холмса, исследования, посвященные «холмсовскому» Лондону, с картами, точнейшим образом воспроизводящими его городские маршруты и поездки по всей Англии. Есть «подделки», то есть рассказы о Шерлоке, которые якобы принадлежат Уотсону, есть стихи, «написанные» Холмсом в честь его доброй хозяйки миссис Марты Хадсон. Есть книги, исследующие «родословную» Холмса. Была «обнаружена» даже таинственная миссис Холмс, жена Шерлока, хотя со слов Уотсона известно, что Холмс жениться не собирался и вообще «женщин не любил и не доверял им». Однако другой дотошный «биограф» «вычислил» единственный любовный эпизод в жизни Холмса. Когда 4 мая 1891 года Холмс чудом избежал смерти в единоборстве с Мориарти и затем ускользнул от мести Морана, он некоторое время скрывался на вилле у Ирэн Адлер (героини «Скандала в Богемии»). Они страстно полюбили друг друга, и в 1892 году у Ирэн родился сын, которого нарекли Шерлок Джон Хэмиш Майкрофт⁴ Верне⁵ Холмс-Адлер... Вот так читатели из числа «биографов» давали волю воображению и щедро наделяли Великого Сыщика счастьем любви, опасаясь, очевидно, что ему слишком одиноко в холодных эмпиреях духа, где он царит над грешным человечеством.

А однажды Холмс «вступил» в законный брак в пьесе, которую написал американский актер Уильям Джиллет, сам исполнявший главную роль. В 1899 году Дойл получил от Джиллета телеграмму, в которой тот осведомлялся, «нельзя ли Холмса женить?». Дойл ответил категорично: «Жените, убивайте, делайте с ним, что хотите». Джиллет предпочел женить, и,

⁴ Майкрофт Холмс – брат Шерлока.

⁵ В «родословной» Холмса значится один из трех французских художников – братьев Верне.

под занавес, златокудрая избранница доверчиво опускала головку на плечо Сыщика. Конан Дойл видел пьесу и остался доволен: «Я просто очарован этой вещью, игрой актеров и... ее денежными результатами» (он значился в соавторах). Успех Джиллета вдохновил самого Дойла на инсценировку «Пестрой ленты», причем в премьерных спектаклях «играла» настоящая змея. Шерлок Холмс «появился» также на подмостках Испании и Франции. В Испании особенным успехом пользовалась «Собака Баскервией». При помощи хорошо отлаженного механизма по сцене галопировала громадная черная собака с огненно-красными глазами и языком (электрические лампочки).

Особенно хороши в роли Холмса был и сам Джиллет, и впоследствии актер Бэзил Рэтбоун, который играл Холмса не только на сцене, но в кино и на телевидении. Рэтбоун настолько отождествлялся в восприятии зрителей с героем Дойла, что на улице его приветствовали как «мистера Холмса» или запросто называли «Шерлоком». Неудивительно, что в мире существуют движение поклонников Холмса и множество холмсовских обществ и клубов. Поклонники сыщика даже сочинили гимн, где есть такие слова:

*О Шерлок, тебе воздаем мы хвалу,
Будь славен во веки веков,
Любимый и мудрый, бесстрашный герой
С Британских седых берегов!*

Существует более полутора десятка фильмов о Холмсе, и первый, «Шерлок Холмс недоумевает», был снят еще в 1900 году самим Эдисоном. В 1939 году Бэзил Рэтбоун и Найджел Брюс (лучший западный Уотсон) приступили к работе над четырнадцатисерийной шерлокианой, причем Рэтбоун говорил, что сыграть такого героя, как Холмс, для него важнее, чем «десяток Гамлетов».

Холмс и Уотсон «приняли» участие и во Второй мировой войне – фильм «Шерлок Холмс и Голос Ужаса»... Фильм кончался словами Холмса из рассказа «Его прощальный поклон» о том, что, «когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее»⁶.

Неизменна популярность Холмса и в нашей стране, об этом свидетельствует, в частности, и собственная наша шерлокхолмсовская киноэпопея с Василием Ливановым и Виталием Соломиным в главных ролях, причем, по мнению одного из английских критиков, Соломин был «лучшим Уотсоном» из всех, какие существуют в мире, так блестяще сыграл наш артист «божественное простодушие» Уотсона. Очень привлекает и Холмс Ливанова – своей человечностью и завораживающим низким голосом...

И вновь мы возвращаемся к феномену бытия человека, которого никогда не было, но который все-таки существовал, существует и пребудет с нами, пока царит над миром воссоздающая власть творческого воображения. Об этом свидетельствует и «Музей Шерлока Холмса» на современной лондонской Бейкер-стрит. Вот два кресла в гостиной у камина. Одно принадлежит Холмсу. Рядом у стены его скрипка. В углу столик с химической лабораторией. Вот его знаменитые трубки и лупа. Напротив – кресло Уотсона... Здесь можно на минуту закрыть глаза и очень явственно увидеть высокого, худого человека с ястребиным профилем. Звонок, стукнула входная дверь, и навстречу вошедшим поднимается Шерлок Холмс и произносит обычную фразу: «Пожалуйста, садитесь, чем могу служить вам?» Так говорит защитник и слуга человечества Шерлок Холмс. Бессмертный Шерлок Холмс!

М. Тугушева

⁶ Перевод Н. Дехтеревой. И теми же словами заканчивается наш фильм «Шерлок Холмс и доктор Ватсон в XX веке».

Собака Баскервилей

Глава I Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником – из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч.К.Х.О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками – солидными, увесистыми, надежными – ходили почтенные домашние врачи.

– Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

– Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

– Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, – ответил он. – Нет, в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. А раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней образ ее владельца, а я вас послушаю.

– По-моему, – начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, – этот доктор Мортимер – преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания. – Хорошо! – сказал Холмс. – Превосходно!

– Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

– А это почему?

– Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся – видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль. – Весьма здравое рассуждение, – сказал Холмс.

– Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают клуб, вернее всего охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

– Уотсон, вы превзошли самого себя! – сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу. – Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое само-

любие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил папиросу в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

– Не бог весть что, но все же любопытно, – сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. – Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, они и послужат нам основой для некоторых умозаключений.

– Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? – спросил я не без чувства самодовольства. – Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

– Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

– Значит, я был прав.

– В этом отношении – да.

– Но ведь это всё?

– Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не всё, далеко не всё. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Черингкросская» напрашивается само собой.

– Возможно, что вы правы.

– Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

– Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Черингкросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

– А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

– Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

– А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

– Это весьма вероятно.

– Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это допустимо только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад – смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестнолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

– Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, – сказал я, – но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

– «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год – куратор Черингкросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу „Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?“. Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей „Аномальные явления атавизма“ („Ланцет“, 1882), „Прогрессируем ли мы?“ („Вестник психологии“, март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

– Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, – с лукавой улыбкой сказал Холмс, – зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту – только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

– А собака?

– Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже мой! Ну, конечно, курчавый спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него:

– Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

– По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой – добро или зло, неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?... Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Как только наш гость вошел в комнату, его взгляд тотчас же упал на палку в руках Холмса, и он с радостным криком потянулся за ней.

– Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в паровой компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

– Подарок? – спросил Холмс.

– Да, сэр.

– От Черингкросской лечебницы?

– Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

– Ай-ай, как это скверно! – сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами:

– А что же тут скверного?

– Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

– Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

– Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, – сказал Холмс. – А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

– Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

– И, по-видимому, человек научного склада ума?

– Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс: так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

– Нет, доктор Уотсон вот – перед вами.

– Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не считите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

– Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, – сказал он. – Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете сами набивать папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и с поразительной ловкостью набил папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

– Я полагаю, сэр, – начал он наконец, – что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

– Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считаю вас вторым по величине европейским экспертом...

– Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? – довольно резким тоном спросил Холмс.

– Труды господина Бертильона внушают большое уважение людям с научным складом мышления.

– Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

– Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных – это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

– Так, самую малость, – ответил Холмс. – Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II

Проклятие рода Баскервильей

– У меня в кармане лежит один манускрипт, – сказал доктор Джеймс Мортимер.

– Я заметил это, как только вы вошли, – сказал Холмс.

– Манускрипт очень древний.

– Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

– Откуда вам это известно, сэр?

– Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этого манускрипта дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую ваш манускрипт тысяча семьсот тридцатым годом.

– Точная дата тысяча семьсот сорок второй. – Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. – Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который его постиг.

Холмс протянул руку, взял манускрипт и расправил его на коленях.

– Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я глянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

– Это, по-видимому, какая-то запись.

– Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервильей.

– Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

– Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул концы пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

– «Много есть свидетельств о собаке Баскервильей, но, будучи прямым потомком Гуго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он – от моего деда, я положил себе записать сию историю, в подлинности коей не может быть сомнений. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Гуго, того же рода, и этого Гуго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Гуго была

наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Гуго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервильей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а это было в Михайлов день, Гуго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых, самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшные ругательства, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Гуго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девушку до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Гуго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Гуго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто еще одну флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей компанией, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу, по следам коей неслись собаки. „Но я видел и нечто другое, – присовокупил он. – Гуго Баскервиль проскакал мимо меня на вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!“

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они слышали топот копыт, и вслед за тем ворона кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, но все же продолжали путь, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ошетилившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней виднелись два больших каменных столба, поставленные здесь еще в незапамятные времена. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Гуго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Гуго стояло мерзкое чудовище – огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло Гуго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуреваемые страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знакомое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и таинственной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Евангелии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Гуго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

– Ну и что же? – сказал он.

– По-вашему, это неинтересно?

– Интересно для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету:

– Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня сего года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этого.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательным. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

– «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело.

В наши дни владычества нуворишей приятно знать, что потомок древнего рода, знавшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление бывшего величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность тем людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы следствию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности дворецкого, жена – экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали резкие изменения цвета лица, одышка и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что дверь в холл все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился – по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного – доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, следствие пришло к заключению о скоростижной смерти, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерван-

ные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы следователя не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

– Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

– Вы ознакомили меня с делом, которое безусловно не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, – сказал Шерлок Холмс. – В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камнями и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

– Да.

– Тогда познакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. – Он откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

– Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, – начал доктор Мортимер, явно волнуясь. – Я о многом умолчал на следствии по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла – значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, ибо излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота – место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкланда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретить ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные научные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в эту легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело

спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Дворецкий Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось на следствии, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, останавливался, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания на следствии. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

– Следы?

– Следы.

– Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

– Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

Глава III

Задача

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки – верный признак проснувшегося интереса.

- Вы сами их видели?
- Точно так же, как вижу вас.
- И ничего об этом не сказали!
- А зачем?
- Неужели, кроме вас, их никто не видел?
- Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.
- На болотах, должно быть, много овчарок?
- Разумеется. Но это была не овчарка.
- Вы говорите, что следы очень большие?
- Огромные.
- Но к телу сэра Чарльза они не приближали?
- Нет.
- Какая тогда стояла погода?
- Сырая, холодная.
- Но дождя не было?
- Нет.
- А что представляет собой эта аллея?
- По бокам высокая зеленая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине – дорожка футов восьми в ширину.
- А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?
- Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.
- Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?
- Да, и эта калитка ведет на болота.
- А других выходов туда нет?
- Нет.
- Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?
- Есть еще один выход – через беседку в дальнем конце.
- Сэр Чарльз дошел туда?
- Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.
- Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?
- На траве следов обычно не видно.
- Они были на той же стороне дорожки, где калитка?
- Да, на самом краю, ближе к калитке.
- Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?
- Не только закрыта, но и заперта на всякий замок.
- Какой она вышины?
- Фута четыре.
- Значит, через нее можно перелезть?

– Да.

– А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

– Нет, ничего особенного.

– Боже мой! Неужели там не посмотрели?

– Нет, я сам смотрел.

– И ничего не нашли?

– Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять – десять.

– Почему вы так думаете?

– Потому что пепел дважды упал с его сигары.

– Превосходно! Вот такой помощник нам под стать! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

– Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

– Ах, если б я сам там был! – воскликнул он. – Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий – это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

– Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того...

– Что же вы колеблетесь?

– Есть некая область, где бессилен самый проницательный и самый опытный сыщик.

– Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

– Я этого не говорю.

– Не «говорю», но «думаю»?

– С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей. – Например?

– Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс: во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

– И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

– Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

– До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира, – сказал он. – Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии – вещь весьма реальная?

– Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

– Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы гово-

рите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

– Я ни о чем таком вас не просил.

– Тогда чем же я могу помочь вам?

– Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо, – доктор Мортимер посмотрел на часы, – ровно через час с четвертью?

– Это и есть наследник?

– Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя от отзыва, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

– Других претендентов на наследство нет?

– Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах, – отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервильевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Гуго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри – последний отпрыск рода Баскервильей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

– А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

– Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервили, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам. Холмс задумался.

– В двух словах дело обстоит так, – сказал он наконец. – Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервильей.

Правильно я вас понял?

– Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

– Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узкоместной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

– Если б вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть – в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

– Я советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

– А потом?

– Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

– Сколько вам потребуется времени на это?

– Одни сутки. Я буду вам весьма обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

– Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

– Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

– Да, об этом рассказывают трое.

– А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

– Не знаю. Не слышал.

– Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

– Уходите, Уотсон?

– Да, если я ничем не могу вам помочь.

– Нет, друг мой, я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступить к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табаку. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь. Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я открыл дверь в гостиную и перепугался – уж не пожар ли у нас? – ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

– Простудились, Уотсон? – спросил он.

– Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

– Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

– Какое там «немного»! Дышать нечем!

– Тогда откройте окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

– Холмс, дорогой мой!

– Правильно?

– Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

– Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

– Да, совершенно очевидно.

– Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

– Тоже весь день просидели сиднем?

– Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

– Мысленно?

– Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стенфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Лыщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

– Карта крупного масштаба?

– Да, очень крупного. – Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени. – Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

– Окруженный лесом?

– Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений – та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это – две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них – принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия и, может быть, разыграется еще раз на наших глазах.

– Да, места дикие.

– Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...

– Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное? – А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

– Оно не выходило у меня из головы весь день.

– И к чему же вы пришли?

– Запутанная история.

– Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

– Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел ту часть аллеи на цыпочках.

– Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время следствия. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

– Тогда в чем же тут дело?

– Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвый.

– Спасался? Но от кого?

– В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

– Почему вы так думаете?

– То, что его так напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь – а по-видимому, все так и было, как я предполагаю, – то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на следствии, сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

– Вы думаете, что он ждал кого-то?

– Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку – ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

– Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

– И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается – звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV

Сэр Генри Баскервиль

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду – как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истинного джентльмена.

– Сэр Генри Баскервиль, – представил его нам доктор Мортимер.

– Да, он самый, – сказал баронет. – И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если бы мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

– Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

– Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного внимания.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес – «Отель „Нортумберленд“, сэру Генри Баскервиллю» – был написан крупными печатными буквами; на почтовом штампе стояли: «Черинг-кросс» и время отправления – вечер предыдущего дня.

– Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? – спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

– Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

– Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

– Нет, я живу у знакомых, – сказал доктор. – Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

– Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

– Так вот, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

– А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

– Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

– Какая история? – резко спросил сэр Генри. – Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам!

– Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову, – сказал Шерлок Холмс. – А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

– Вон там, в углу.

– Будьте любезны, дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. – Он быстро пробежал ее глазами. – «Свобода торговли»... Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац. «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? – воскликнул Холмс, радостно потирая руки. – Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжело больных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

– Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика, – сказал он, – но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

– Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

– Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

– А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги», Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

– Ах, черт возьми! Конечно, вы правы, какая блестящая догадка! – воскликнул сэр Генри.

– Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» – они вырезаны подряд. – Ну-ка... Да, действительно!

– Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! – сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга. – Догадаться; что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того – указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

– Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

– Разумеется, могу.

– Каким образом?

– Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

– А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между боргесом на шпонах, которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов – одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что во дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

– Значит, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то составил это письмо, вырезав ножницами...

– Маникюрными ножницами, – перебил его Холмс. – Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

– Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их...

– Гуммиарабиком, – подсказал Холмс.

– ...и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

– Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительно редко.

– Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

– Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если он действительно торопился, то интересно знать почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи. Но с чьей стороны?

– Мы, кажется, вступили в область догадок, – заметил доктор Мортимер.

– Скажите лучше – в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, называете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

– Почему вы так думаете?

– Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом дне. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния, а чтобы и то и другое отказывалось служить – это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Черинг-кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

– Ну что?

– Нет, ничего, – сказал Холмс и положил письмо на стол. – Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

– Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

– Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

– Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман, – сказал наш гость. – Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

– Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

– Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

– Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни. Сэр Генри улыбнулся:

– Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

– Вы потеряли один башмак?

– Друг мой, – воскликнул доктор Мортимер, – да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

– Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

– Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не удалось добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стренде, и даже не успел обновить ее.

– Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

– Они светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

– Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

– Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки – ценой в шесть долларов! – а вот надеть-то их так и не пришлось.

– Если это кража, то довольно бессмысленная, – сказал Шерлок Холмс. – Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

– А теперь, джентльмены, – решительно заговорил баронет, – довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

– Законное требование, – согласился Холмс. – Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

– Н-да, хорошее мне досталось наследство! – сказал он, когда длинное повествование было закончено. – О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили, рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться – к священнику или к полисмену.

– Совершенно верно.

– А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

– Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах, – сказал доктор Мортимер.

– И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам, – сказал Холмс, – если он предупреждает вас об опасности.

– А может быть, наоборот – кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

– Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

– А почему бы мне туда не поехать?

– По-видимому, это небезопасно.

– Откуда же эта опасность исходит – от нашего семейного пугала или от людей?

– Вот это мы и должны выяснить.

– Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решено окончательно. – Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервильевская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода. – Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в отель. Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, придете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

– Вас это устраивает, Уотсон?

– Вполне.

– Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

– Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

– Я с удовольствием присоединюсь к вам, – сказал его спутник.

– Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился – от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

– Одевайтесь, Уотсон, скорей. Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбегали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

– Догнать их?

– Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро – одно удовольствие.

Он прибавил шаг, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

– Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-

стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно – свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас из виду.

– Ах, черт! – бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока. – Вот не повезло! Да я сам во всем виноват. Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

– Что это за человек?

– Понятия не имею.

– Сogleдaтaй?

– Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так; если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

– Да, помню.

– Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще неясно, какие здесь действуют силы – добрые или злые, – я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его прием имеет еще ту выгоду, что, если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом приеме есть.

- Кэбмен?
- Вот именно.
- Какая жалость, что мы не заметили его номера!

– Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

– Не вижу, что вы могли еще сделать.

– Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного приема могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

– Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними, – сказал Холмс. – Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас на руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

– Лицо нет, а бороду разглядел.

– Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

– Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

– Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

– Вы преувеличиваете, друг мой. Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган, по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

– Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

– Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

– Дайте мне «Путеводитель по гостиницам», – сказал Холмс. – Благодарю вас. Смотри, Картрайт, вот это – названия двадцати трех гостиниц в районе Черинг-кросс. Видишь?

– Да, сэр.

– Ты обойдешь их все по очереди.

– Слушаю, сэр.

– И для начала будешь давать швейцарам по шиллингу. Вот тебе двадцать три шиллинга.

– Слушаю, сэр.

– Ты скажешь, что тебе нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объяснишь это так: одну очень важную телеграмму доставили по ошибке не в тот адрес, и тебе велено ее разыскать. Понятно?

– Да, сэр.

– Но на самом деле ты будешь искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Ты сможешь отличить ее от других?

– Да, сэр.

– Швейцары будут, конечно, отсылать тебя к коридорным, ты и им дашь по шиллингу. Вот тебе еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах тебе покажут груды бумаг, среди которых ты и поищешь эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю тебе еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируй мне, на Бейкер-стрит, как у тебя обстоят дела... А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

Глава V

Три оборванные нити

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал нам дежурный по вестибюлю. – Он просил сразу же провести к нему гостей.

– Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев? – спросил Холмс.

– Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

– Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? – сказал Холмс дежурному. – Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

– Нет, сэр, мистер Джонсон – владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

– Вы уверены, что он не адвокат?

– Уверен, сэр. Мистер Джонсон наш частый гость, мы его знаем не первый год.

– Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

– Миссис Олдмор женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

– Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди... Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Уотсон, – продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице. – Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

– Например, о чем?

– Ну, хотя бы о том... Хэлло! Друг мой, что случилось?

Мы вышли на верхнюю площадку и столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он наконец обрел дар слова, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не заметили.

– За кого меня принимают в этом отеле – за дурачка, что ли? – закричал сэр Генри. – Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал. У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

– Все еще разыскиваете свою пропажу?

– Да, разыскиваю, и не успокоюсь, пока не найду.

– Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

– Да, сэр. А теперь та же история с черным.

– Как! Неужели вы хватились и...

– Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви – новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричне-

вый башмак, а сегодня стащили и черный... Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный-немец:

– Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

– Так вот, слушайте: или вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно съезжаю отсюда.

– Башмак найдется, сэр... Обещаю вам, что найдется... Минутку терпения, сэр.

– Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками...

– А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

– Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

– Как же вы сами это объясните?

– Я даже не пытаюсь объяснить. Со мной еще никогда в жизни не случилось ничего более нелепого и более странного.

– Более странного?.. Да, это, пожалуй, так, – задумчиво проговорил Холмс.

– А что вы сами об этом скажете?

– Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная, сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервиля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

– Я поеду в Баскервиль-холл.

– Когда?

– В конце недели.

– Я считаю ваше решение правильным, – сказал Холмс. – Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить... Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте:

– Следили? Кто?

– Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

Нет... впрочем, постойте... Ну конечно... У дворецкого сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

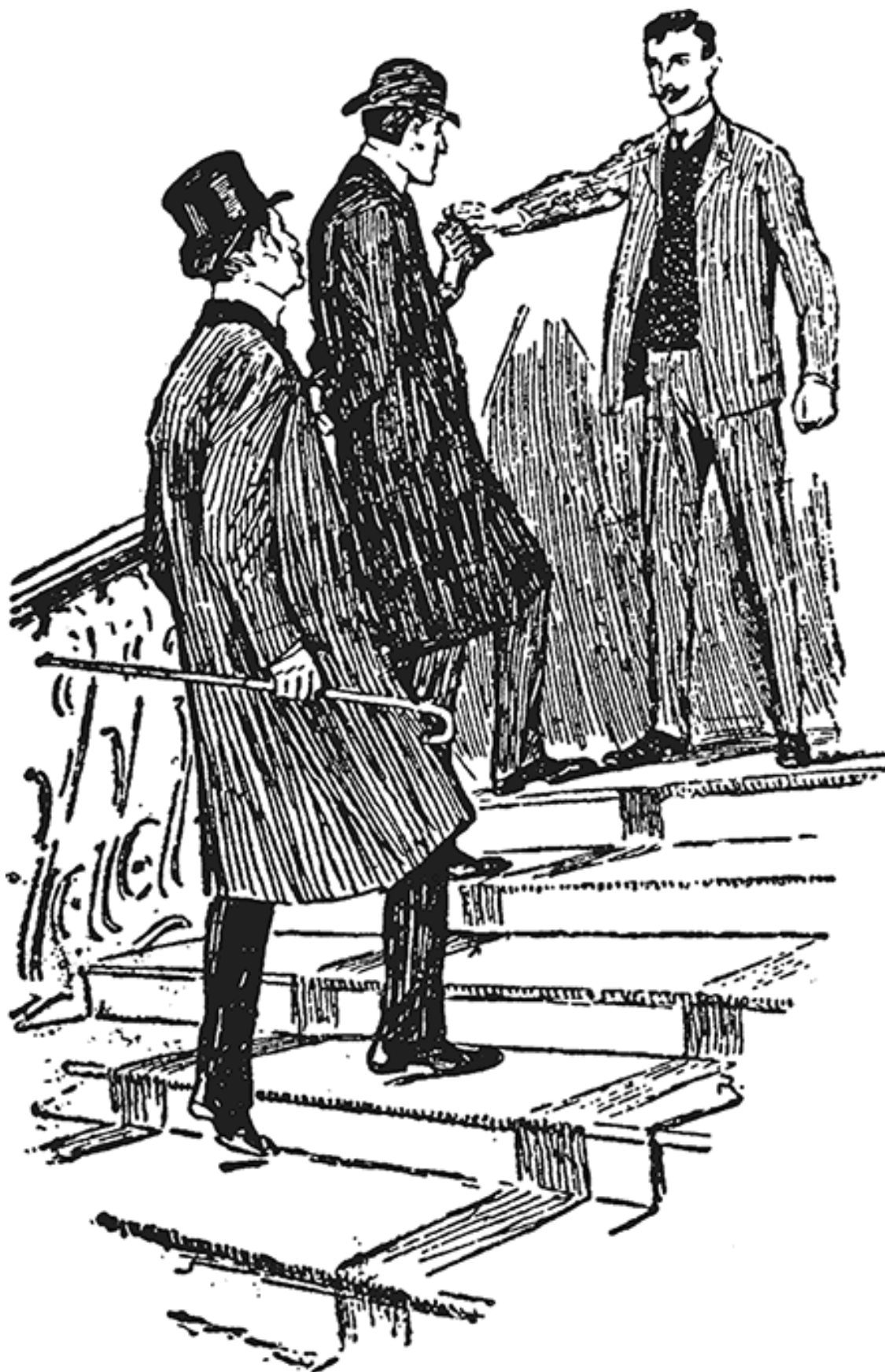
– Гм! А где он сейчас?

– В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

– Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

– Как же это сделать?

– Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель „Нортумберленд“ сэру Генри Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире, или нет.

– Прекрасно, – сказал Баскервиль. – Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

– Он сын покойного управляющего поместьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

– Тем не менее, – сказал сэр Генри, – мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

– Да, правильно.

– Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза? – спросил Холмс.

– И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

– Гм! А они знали об этом раньше?

– Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

– Интересный факт.

– Я надеюсь, – сказал доктор Мортимер, – что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

– Вот как! А еще кому?

– В завещании было указано много мелких сумм разным лицам и крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отошло сэру Генри.

– А в какой сумме оно выражается?

– Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно поднял брови.

– Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном капитале, – сказал он.

– Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценными бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

– Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

– Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам – к Десмондам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

– Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

– Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

– И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

– К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

– А вы уже составили завещание, сэр Генри?

– Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

– Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

– Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

– Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не сможет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

– Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

– Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажиста, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

– Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

– Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня как снег на голову, но Баскервиль, не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

– Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! – воскликнул он. – Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

– Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, – ответил я, – и не пожалую потраченного времени.

– Вы будете присылать мне подробные отчеты, – сказал Холмс. – В самый критический момент – а он неминуемо наступит – я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу. – Вас это устраивает, доктор Уотсон?

– Вполне.

– Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь раскланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

– Вот она, моя пропажа!

– Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто! – сказал Шерлок Холмс.

– Но все-таки это очень странно, – заметил доктор Мортимер. – Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

– И я тоже, – сказал Баскервиль. – Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

– Значит, коридорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы тоже ни к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня: письмо, составленное из газетных вырезок, бородатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду, так же, как и я, пытался привести в единую систему все эти

странные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. В первой было написано:

Только что сообщил Вэрримор дома. Баскервиль.

Во второй:

Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы «Таймса» не нашел. Картрайт.

– Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно сговорились против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по третьему следу.

– У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

– Совершенно верно. Я запросил его фамилию и адрес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина – по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

– Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре, – начал он. – Я уже седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слышал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

– Вы ни в чем не провинились, любезнейший, – сказал Холмс. – Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

– Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! – ухмыльнулся кэбмен. – А что вам угодно, сэр?

– Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай если вы мне опять понадобится.

– Джон Клейтон, проживаю в Бороу, Тарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярд, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

– А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрился на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

– Что ж вам рассказать, когда вы сами не хуже меня все знаете! – ответил он. – Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

– Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

– Да, сэр.

– А когда он заявил вам об этом?

– Когда расплачивался.

– А еще что-нибудь он говорил?

– Сказал свою фамилию.

– Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

– Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

– Его зовут, – сказал кэбмен, – мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

– Удар, Уотсон! Меткий удар! – сказал он. – Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

– Да, сэр, он сам так сказал.

– Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

– Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквер. Говорит: «Я сыщик», и посулил мне две гиней, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к отелю «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

– Вот к этому самому дому, – сказал Холмс.

– Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на...

– Это я знаю, – сказал Холмс.

– А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гиней – не надул! – и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

– Так, понимаю. И больше вы его не видели?

– Нет, больше не видел.

– А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса. Кэбмен почесал в затылке:

– Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

– Цвет глаз какой?

– Вот не заметил...

– Больше ничего не запомнили?

– Ничего, сэр.

– Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

– Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

– Третья нить тоже не выдержала, – сказал он. – Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

– Что?

– Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здоровым и невредимым.

Глава VI

Баскервиль-холл

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, мы отправились, как и было условленно, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

– Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не создалось предвзятого мнения, – сказал он. – Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уж сопоставлять их я буду сам.

– Что же вас интересует? – спросил я.

– Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношения между молодым Баскервилем и его соседями, а если узнаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами похвалиться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмонд, действительно прекрасный человек весьма почтенного возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые составят непосредственное окружение сэра Генри Баскервиля.

– А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрриморов?

– Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доищешься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть конюх, двое фермеров, наш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой – как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Френкленд из Лефтер-холла – тоже личность неизвестная, и двое-трое других соседей. Вот люди, которые должны находиться под вашим наблюдением.

– Постараюсь не осрамиться.

– Оружие вы взяли?

– Да, думаю, это будет не лишним.

– Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас на платформе.

– Нет, ничего нового, – сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос моего друга. – Могу только поклясться, что последние два дня слезки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

– Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

– Да, за исключением вчерашнего. У меня так уж заведено – по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям, и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

– А я пошел в парк посмотреть на гуляющих, – сказал Баскервиль. – И все обошлось благополучно.

– Тем не менее это было неблагоприятно с вашей стороны, – сказал Холмс нахмурившись и покачал головой. – Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

– Нет, сэр, он исчез бесследно.

– Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего, – добавил он, когда поезд тронулся. – Сэр Генри! Помните наставление из странной легенды, которую нам читал доктор Морти-

мер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда злые силы властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы двигались быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

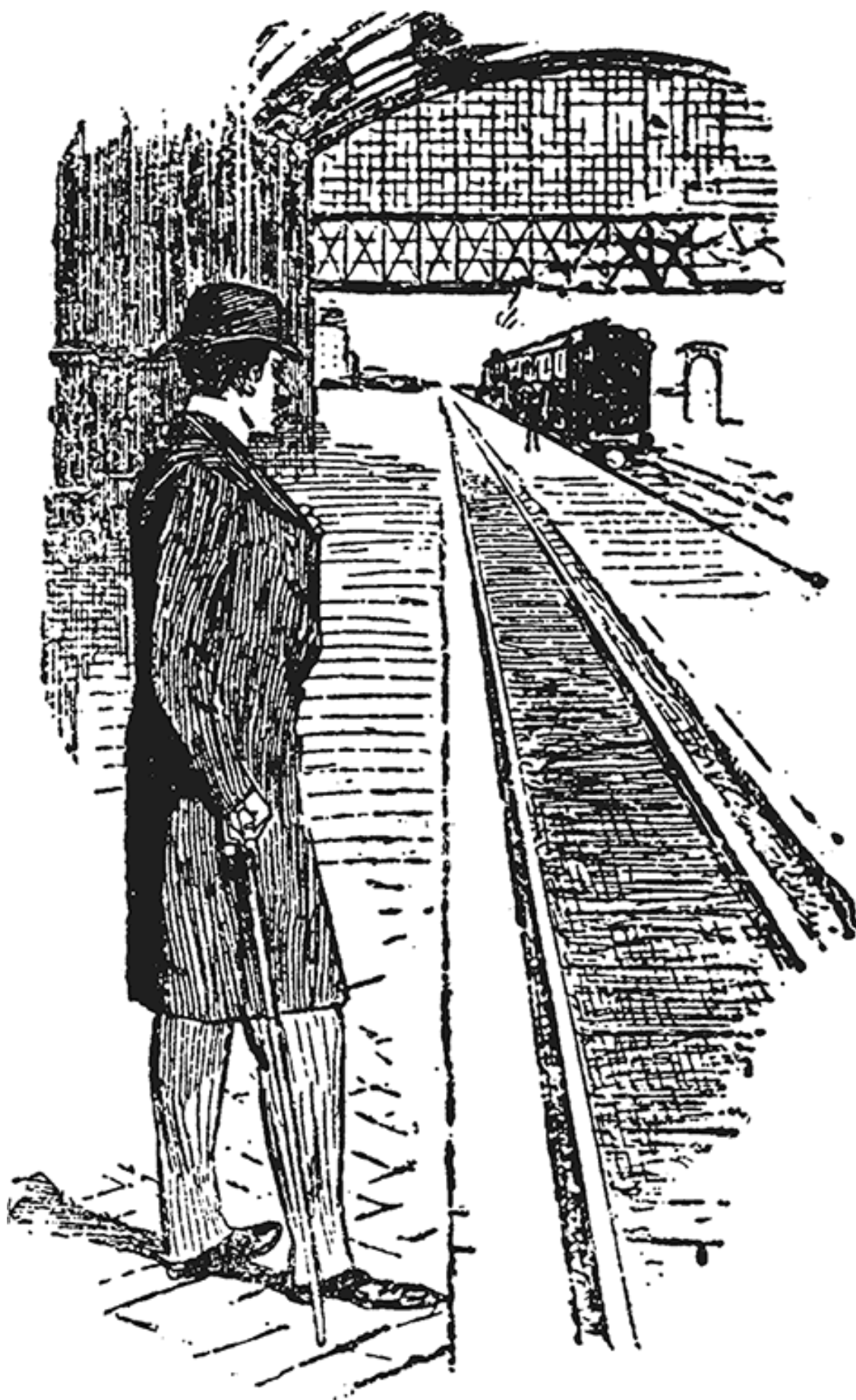
— Где только мне не пришлось побывать с тех пор, как я уехал отсюда, доктор Уотсон! — сказал он. — И все-таки эти места ни с чем не сравнишь. — Покажите нам такого девонширца, который не восхищался бы своим Девонширом.

— Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют, — сказал доктор Мортимер. — Одного взгляда на круглый череп нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождался, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае ваше желание исполнилось — можете любоваться ими, — сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, властвовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое выразительное лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд, очевидно, был здесь большим событием, так как и сам начальник станции и носильщики – все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шапку, приветствуя сэра Генри Баскервилья, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны пастбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди, за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отливающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по сторонам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от грусти, которую навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонул в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» – подумал я.

– Смотрите! – вдруг крикнул доктор Мортимер. – Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском, – первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтовкой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

– Перкинс, что это значит? – спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах:

– Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

– Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

– Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

– Кто же он?

– Селден, который совершил убийство в Ноттинг-хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где долменами из обломков скал и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой

глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись – лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скупые очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь испокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

– Баскервиль-холл, – сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост – щеки у него покраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами – гербом Баскервильей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение – первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

– Это случилось здесь? – тихо спросил он.

– Нет, нет, в тисовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

– Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды, – сказал он. – Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свана по тысяче свечей каждый.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставившим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые башни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

– Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных дверях холла показался силуэт женщины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

– Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? – сказал доктор Мортимер. – Меня ждет жена.

– Оставайтесь, пообедайте с нами!

– Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня – он прекрасный гид. Всего хоро-

шего! И помните: когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив – просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Прогреть после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовую обшивку холла, высокое, узкое окно с цветными стеклами, оленьи головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

– Я именно так и представлял себе все это, – сказал сэр Генри. – Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только – ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падавшего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным пологом сгущались над ним.

Бэрримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонился перед нами, как и подобало хорошо вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная – высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявшей бледное благообразное лицо.

– Прикажете подавать обед, сэр?

– А готово?

– Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри, остаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

– При каких новых порядках?

– Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

– Значит, вы с женой хотите получить расчет?

– Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

– Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи. Я подметил следы волнения на бледном лице дворецкого.

– Нам с женой это тоже не легко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле, как прежде.

– Что же вы собираетесь предпринять?

– Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью... А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезду в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей. Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье

стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетые во все черное, их голоса звучали приглушенно, и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах – начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства – взирали на нас со стен, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную – комнату вполне современной.

– Что и говорить, обстановка не из веселых, – сказал сэр Генри. – Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Неудивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я открыл штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. За газоном, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его холодном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я задернул штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, и больше ничего не нарушало мертвой тишины, царившей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивающего стены.

Глава VII

Стэплтоны из Меррипит-хаус

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

– Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты, – сказал баронет. – Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

– Однако нельзя приписывать все только нашему настроению, – ответил я. – Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

– А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

– Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина. – Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал дворецкого звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэрримора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

– В доме всего две женщины, сэр Генри, – ответил Бэрримор. – Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая – моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свету. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго сжатыми губами. Но глаза – красные, с припухшими веками, – выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны нам только с его слов. Неужели же мы видели Бэрримора в кэбе на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэбмен говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гримпене и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня, по крайней мере, будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мне прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные, строения – гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лавочником, запомнил нашу телеграмму.

– Конечно, сэр, – сказал он, – я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

– А кто ее относил?

– Мой сынишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервильхолл, мистеру Бэрримору?

– Да, папа.

– И вручил ему самому? – спросил я.

– Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

– А самого мистера Бэрримора ты видел?

– Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

– Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

– Ну, жена-то должна была знать, где он, – раздраженно сказал почтмейстер. – Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-то ошибка, пусть мистер Бэрримор сам пожалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он – последний, кто видел сэра Чарльза в живых, – первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению, или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервильей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оно послано кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервильей удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тонкую интригу, которая невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и, приехав сюда, снял с меня тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти-сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботаническая коробка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

– Простите мне мою смелость, доктор Уотсон, – еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец. – Мы здесь народ нецеремонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Меррипит-хаус.

– Вас нетрудно узнать по коробке и сачку, – сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон натуралист. – Но как вы-то догадались, кто я такой?

– Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

– Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

– Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

– Нет, не думаю.

– Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервильей.

– Да, знаю.

– До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище. – Стэплтон говорил

с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее. — Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем нам прикидываться, будто мы не знаем вас? — сказал он. — Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением? — Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтон. — Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начиналась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Меррипит-хаус, — сказал Стэплтон. — Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежавшие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэплтона, и мы свернули вправо.

— Замечательные здесь места! — сказал он, глядя на волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды. —

Эти болота никогда вам не примелькаются. А сколько тайн они хранят – бескрайние, пустынные, загадочные!

– Вы хорошо их знаете?

– Я ведь здесь всего второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

– А разве это такое нелегкое дело?

– Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь к той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

– По ней хорошо скакать галопом.

– Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ней ярко-зеленых лужаек?

– Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

– Перед вами огромная Гримпенская трясина, – сказал он. – Попади в эту трясину человек или животное – один неосторожный шаг, и все кончено. Я только вчера видел, как туда забрел чей-то пони и, разумеется, погиб. Его голова долго виднелась над трясинной. Он все вытягивал шею, старался выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпенской трясинной и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще один несчастный пони!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

– Кончено! – сказал он. – Засосало. Второй за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они как повадятся туда в засуху, так и ходят до самой осени. И часто гибнут. Да, Гримпенская трясина – страшное место.

– И вы все-таки пробираетесь туда?

– Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

– Но зачем вам ходить в такое опасное место?

– А вон видите те холмы вдалеке? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-помалу окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

– Что ж, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

– Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! – сказал он.

– Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система примет.

– Стойте! – крикнул я. – Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стога, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стелания. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

– Таинственные места эти болота, – сказал он.

– Что это такое?

– Фермеры говорят, что так воет собака Баскервильей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями осоки. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней – только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

– Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь, – сказал я. – Как вы объясняете этот вой?

– Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

– Нет, нет! Это был голос живого существа.

– Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпь?

– Нет, не приходилось.

– В Англии эта птица попадает теперь очень редко, в сущности она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы несколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

– В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

– Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

– Что это? Овчарни?

– Нет, это жилища наших почтенных пращуров. Доисторический человек густо заселял торфяные болота, и так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности. Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть очаг и ложе.

– Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

– Неолитический человек – точный период не установлен.

– А чем этот человек занимался?

– Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cycloptides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погоню. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как ни в чем не бывало прыгал с кочки на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха, – мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррипит-хауса, но раньше я не мог ее заметить, ибо тропинка, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропинке женщина действительно поражала своей красотой – красотой не совсем обычного типа. Большее несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка – таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии, – изящная, стройная, высокая. Ее тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если б не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье – как странно было видеть такое существо на безлюд-

ной тропинке, выходящей среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

– Уезжайте отсюда! – сказала она. – Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом воззреться на нее.

Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

– Зачем же мне уезжать? – спросил я.

– Не требуйте объяснений. – Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила. – Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

– Но ведь я только что приехал!

– Боже мой, – воскликнула она, – неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова... Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа несколько теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

– А, это ты, Бэрил! – сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

– Как ты разгорячился, Джек!

– Да, я погнался за великолепным экземпляром *Cyclopides*. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость – не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

– Вы, кажется, успели познакомиться?

– Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот – орхидеи отцветают.

– Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

– Сэр Генри Баскервиль.

– Нет, нет, – сказал я, – не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

– Значит, мы говорили, не понимая друг друга, – сказала она.

– Да, у вас было не так уж много времени на разговоры, – заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

– Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа, – сказала она. – А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому – старый, весь сморщенный, в порывшемся сюртуке. Но самые комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдаль линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

– Странное мы выбрали место, где поселиться? – сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли. – И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

– Да, очень хорошо, – ответила она, но ее слова прозвучали как-то не убедительно.

– У меня была школа в одном из северных графств, – сказал Стэплтон. – Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от себя самого, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, большая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если б не разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя – не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

– Да, не отрицаю, мне действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

– Нет, я не скучаю, – быстро ответила она.

– Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Мортимер – весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генри? Это ему не помешает?

– Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вами.

– Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте... А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастного пони, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервильей, – все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершенно недвусмысленные слова

мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и другой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще большую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

– Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала, – проговорила она. – Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

– Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите мне, почему вы так настаивали на его отъезде в Лондон?

– Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

– Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

– Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон.

Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем над родом Баскервильей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованны. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считаю нужным предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

– Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

– Вы знаете предание о собаке?

– Я не верю этому вздору!

– А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Генри, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервильей. Мир велик. Почему сэру Генри надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

– Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и, если вы не выскажетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

– Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

– Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

– Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы знал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Генри. Но я исполнила свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, не то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

Глава VIII

Первый отчет доктора Уотсона

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл,

13 октября

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду – вот его пещеры, вот могилы, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под низким сводом одной из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страннее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, нисколько не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли солнце вокруг земли или земля вокруг солнца. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Генри Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно странное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств – весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах, – каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем нет ни слуху ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник безусловно ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых, сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат – последний, по-видимому, отнюдь не силач, – вот и все обитатели Меррипит-хаус. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели

даже, чтобы конюх Перкинс ночевал в Меррипит-хаус, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и неудивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Гуго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многого недоговаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервильей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма – препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом – Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати, если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узенькие полоски дерна.

В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары.

Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака – огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность – и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей – мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а такие развлечения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений – пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога – пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает наизусть древнее общинное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фернворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то предадут символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Френкленда семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Френкленд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обзревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Френкленд употреблял свою нерастрченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Френкленд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более к стати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Френкленде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэрримор в тот день на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Генри о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Бэрримор сказал, что телеграмма была получена.

– Мальчик передал ее вам в собственные руки? – опросил сэр Генри.

Бэрримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

– Нет, – сказал он. – Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мне жена.

– А ответ вы написали сами?

– Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэрримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

– Сэр Генри, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме, – сказал он. – Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Генри постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэрримор. Это весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями и, по-видимому, не блещущая умом. Казалось бы, трудно вообразить себе существо более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мне не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мне приходит в голову: может быть, это муки нечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мне всегда казалось, что это личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время приходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет – значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его в профиль – застывшее в напряжении лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, ибо вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого.

Глава IX

Второй отчет доктора Уотсона

Баскервиль-холл,

15 октября

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, ибо события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой – стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения я еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда заходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным – и осторожность, с которой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь. Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

– Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, я давно собираюсь поговорить с ним, – сказал он. – Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

– Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

– Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

– Уверен, что он сделал бы то же самое, – сказал я. – Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

– Тогда давайте сделаем это вместе.

– Но он услышит нас!

– Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовлявшим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и мебелировщики. Судя по всему,

наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

– Вы со мной, Уотсон? – спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

– Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да, – ответил я.

– На болота.

– Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

– Дорогой друг, – сказал он, – несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стоило мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть – зачем я позволил ему уйти из-под моего наблюдения! А что, если, вернувшись в Лондон, я должен буду признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипит-хаус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.